

Кот, прабабка и новогодняя катастрофа

Наталья Шнейдер

Наталья Шнейдер

**Кот, прабабка и
новогодняя катастрофа**

«Автор»

2026

Шнейдер Н.

Кот, прабабка и новогодняя катастрофа / Н. Шнейдер —
«Автор», 2026

Говорят, как Новый год встретишь, так его и проведёшь. Молодая ведьма Ясна Горина собиралась встретить его в собственном доме, с ёлкой, пряниками и любимым котом. Но у кота оказались свои планы на праздник. А у призрачной прабабки, явившейся без приглашения, — на всю дальнейшую жизнь Ясны. И теперь до полуночи нужно не только спасти Новый год, но и убедить покойную родственницу, что хозяйка здесь всё-таки Ясна. Хотя, возможно, без помощи одного тёмного мага не обойтись

© Шнейдер Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Кот, прабабка и новогодняя катастрофа	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Наталья Шнейдер

Кот, прабабка и новогодняя катастрофа

Кот, прабабка и новогодняя катастрофа

Первый Новый год в собственном доме Ясна Горина намеревалась встретить правильно.

Не так, как у родителей, где елку ставили в углу между буфетом и отцовским креслом, а свечи каждый год заговаривали одним и тем же старым способом. И не так, как в съемных комнатах, где праздник приходилось устраивать на подоконнике, потому что больше ему было негде развернуться.

Здесь все было ее. Неровно оштукатуренная стена, которую она сама выбелила. Печка, с которой три недели спорила до первой честной тяги. Рабочий стол, купленный с рук. Елка, пахнувшая смолой. И Уголек: комок с обмороженным ухом с февраля вырос в черного наглого котяру размером со среднюю дворнягу.

Жаль только, что за всеми заботами саму елку пришлось отложить на последний момент.

Из родительского сундука с игрушками Ясна взяла только снежинку, медную птичку и елочную шишку. Родителям тоже нужна была память. А она в своем доме соберет собственную. Она уже припасла сундучок, в который сложит игрушки после этого праздника — до следующего года.

Она пристроила на елку старинную стеклянную снежинку. Отошла на полшага полюбоваться.

— У! — успела только вскрикнуть она.

Черная молния одним прыжком перелетела полкомнаты. Дерево звякнуло, качнулось и рухнуло с таким грохотом, будто в квартире праздновал Новый год целый полк домовых. Уголек проскрежетал когтями по полу, вывернулся из-под веток и исчез под кроватью.

Доказав что в доме с котом елку следовало привязывать не «когда закончу» а сразу.

Несколько шаров покатались под стол. Медная птичка застряла в венике. Подсвечники жалобно позвякивали в хвое.

Ясна медленно выдохнула. Кажется, катастрофы удалось избежать.

И тут у самой ножки стула тонко, почти вежливо хрустнула стеклянная снежинка.

Ясна зажмурилась. Открыла глаза. Снежинка по-прежнему лежала на полу. Точнее, уже не снежинка. Тонкие стеклянные осколки, прозрачные, как первый лед на краю лужи.

— Уголек... — простонала она.

Кот пошебуршался под кроватью и выставил наружу хвост и часть мохнатой задницы.

— Наглая ты шерстяная... — Она присела над осколками. На глаза навернулись слезы. Птичка почти не пострадала. Разбитый шар можно купить новый. Даже елку поднять, привязать и сделать вид, что это творческая инсталляция под названием «зимний бурелом».

Но эта снежинка... Ее всегда доставали осторожно. Просто потому что она — одна из немногих — была старше обоих родителей и, наверное, даже бабушки. Такие вещи есть в любой семье: переезжают из коробки в коробку, переходят из рук в руки, переживают чужие свадьбы, похороны, ссоры, ремонты. Ясна не знала, сколько елок пережила эта снежинка.

До сегодняшней.

Она коснулась самого крупного осколка, будто это могло склеить игрушку. Стекло обожгло холодом. Она отдернула пальцы.

От осколков по половице пополз иней. Ясна отпрыгнула. Свеча на столе мигнула, вытянулась синим язычком и погасла. Уголек под кроватью развернулся и зашипел на осколки, будто на налогового инспектора.

Из тонкого стеклянного крошева поднялся белесый пар, закрутился столбиком, уплотнился — и посреди комнаты появилась женщина в старомодной пуховой шали.

Прозрачная, но с таким выражением лица, что Ясне сразу же захотелось одернуть домашнюю кофту и счистить потеки воска с юбки.

Женщина огляделась по сторонам.

— Елку, — сказала она, — ставят не так.

Ясна моргнула.

— Простите?

— И кота перед праздником кормят лучше, чтобы сытый спал, а не дурью маялся.

— Он сытый, — машинально возразила Ясна. — Он просто молодой и игривый.

Она посмотрела на женщину. На осколки. Снова на женщину. Спорить с призраком, наверное, было невежливо. Но как тут, спрашивается, не спорить?

— Тебя как зовут? — поинтересовалась прозрачная дама.

— Ясна. Горина.

— Хорошее имя. Мягкое. Тебе не идет стоять на полу с открытым ртом.

Ясна моргнула. Закрыла рот.

Прозрачная женщина одобрительно кивнула, будто именно этого и добивалась, и снова осмотрела квартиру. Стену. Печку. Стол. Елку на полу. Занавески. Сундучок для будущих игрушек.

— Ну что ж, — сказала женщина наконец. — Жить можно.

Ясна осторожно выдохнула.

— Если все переделать, — добавила женщина. — Ничего, Ясночка. До полуночи успеем привести дом в порядок.

Это еще что за новости?

— Простите, — осторожно поинтересовалась Ясна. — А вы кто?

Женщина посмотрела на нее так, будто Ясна спросила, зачем зимой печка.

— Аграфена.

— Какая Аграфена?

— Пуховая, — отрезала женщина. — По мужу Горина. Твоя прабабка. Или прапрабабка. С вашими нынешними поколениями разберешься разве.

Ясна посмотрела на осколки снежинки. На женщину. Снова на осколки.

— Вы были в снежинке? — спросила она.

— Я была при роде, — поправила Аграфена. — Пока кое-кто не повесил родовой оберег куда попало и не пустил к нему невоспитанного зверя.

Из-под кровати донеслось обиженное «мряк!».

— Он воспитанный, — сказала Ясна. — И вообще-то он видит неправильную магию.

Аграфена прищурилась.

— Значит, зверь не совсем бесполезен.

Уголек немедленно перестал обижаться и зашипел снова. Видимо, на всякий случай.

— Так... — Ясна потерла лоб. — Хорошо. Допустим, вы моя пра...

— Прабабка, — строго сказала Аграфена. — Для начала хватит.

— Допустим, прабабка. Почему вы здесь?

Аграфена удивилась уже почти искренне.

— Как почему? — Она начала загибать пальцы. — Дом без присмотра. Девушка одна. Елка на полу. Кот под кроватью. Оберег разбит. — Прабабка задумчиво посмотрела на сложившийся кулак. — Кто-то же должен был прийти и навести порядок.

— Навести порядок, — повторила Ясна.

Порядок она любила. Только обычно, чтобы его навести, доставали тряпку, совок, веник, а не родовую прабабку из елочной игрушки.

Ясна отступила на шаг. Под ногами хрустнула хвоя. Уголек под кроватью перестал шипеть и, кажется, начал притворяться ковриком.

— Аграфена... э-э...

— Прабабка, — подсказала Аграфена.

— Прабабка, — согласилась Ясна, потому что дискутировать о титулах покойных родственников в первый же вечер знакомства было, наверное, рано. — Давайте сначала спокойно разберемся. Чаю?

Аграфена посмотрела на нее с почти жалостью.

— У тебя елка на полу.

— Я помню, спасибо.

— Кот под кроватью.

— Это я тоже знаю.

— Оберег разбит.

— Именно поэтому я и предлагаю чай. С духами, вылезшими из старых вещей, положено говорить вежливо.

— С духами положено говорить вежливо, когда они чужие, — отрезала Аграфена. — А я своя.

У Ясны возникло нехорошее подозрение, что «своя» в исполнении Аграфены означало не «родная», а «имеющая право рыться в шкафах».

— То есть можно невежливо, — не удержалась она. — Тогда без чая. Вы привязаны к снежинке? К дому? К роду?

— К здравому смыслу я привязана, Ясночка. Которого в нашем роду, кажется, перестало хватать. Где это видано — девица одна живет?

Ясна вдохнула. Медленно. Как учила мать, когда домовой в детстве прятал ее валенки: прежде чем ругаться с домашней силой, убедись, что она не старше твоей прабабки. Совет внезапно оказался недостаточно подробным.

— С чего вы взяли, что... одна? — спросила Ясна, в последний миг заменив на это безопасное слово «девица».

Аграфена демонстративно огляделась.

— Мужчиной и не пахнет. Детками тоже. Одна живешь. Ох, нет здесь твоей матушки, я бы ей высказала!

— Времена изменились, — осторожно сказала Ясна. — Сейчас молодые ведьмы могут жить отдельно.

— Вижу, что могут. — Аграфена поджала губы.

Она так посмотрела на елку, что Ясне стало обидно за все поколение молодых ведьм сразу.

— И дом я обустроивала сама.

— Тоже вижу.

Это прозвучало еще хуже.

Аграфена подошла к елке. Вернее, не подошла, а скользнула, потому что ногами пола почти не касалась.

— Поднять надо.

— Сама знаю, — огрызнулась Ясна.

— И место неправильное.

Ясна, уже потянувшаяся к стволу, застыла.

— Что значит «неправильное»?

— То и значит. Елке место в красном углу. У печки.

— У печки живет домовой, — попыталась объяснить Ясна.

— Вот и присмотрит за елкой.

Под печкой затрещало, будто домовый подавился сажей.

— Он не согласен, — перевела на человеческий Ясна.

— Он домовый. Его работа — заботиться о доме. Вот пусть и заботится.

Аграфена взмахнула рукой. Ветки елки дернулись, подсвечники жалобно звякнули, медная птичка выпала из веника и покатилась к печке.

Ясна подхватила птичку с пола.

— Осторожнее! Это моя елка.

Аграфена обернулась.

— Конечно, твоя. Значит, надо поставить как следует.

Елка сама приподнялась над полом, осыпая хвою, шарики и последние остатки Ясниного терпения. Уголек под кроватью издал звук, с которым приличные коты, наверное, встречают конец света, а неприличные — призрачных прабабок.

— Аграфена Пуховна, — сказала Ясна.

— Пуховая, — поправила Аграфена. — Пуховна — это если бы мой отец был Пух. А он был Фрол.

— Аграфена Фроловна, — быстро исправилась Ясна. — Нельзя переставлять чужую елку без спроса.

— Чужую — нельзя, — согласилась Аграфена.

И елка торжественно поплыла к печке. Домовой выругался так, что в печке стыдливо ухнуло пламя.

Елка встала криво. Аграфена щелкнула пальцами, ствол выпрямился. Под печкой зашуршало. Елка накренилась обратно.

— Не балуй, — строго сказала Аграфена.

Из-под печки высунулся угол тряпицы, обугленный с краю. Ясна узнала свой носовой платок, пропавший неделю назад. Похоже, теперь домовый собирался использовать его в качестве знамени сопротивления.

— Он просит не ставить елку на его место, — сказала она.

— Его место — в доме. А дом он довел до такого состояния, что пора спасать.

Домовой втянул платок обратно и возмущенно хлопнул заслонкой.

— Отлично, — сказала Ясна. — Теперь у меня обижены кот, домовый и, кажется, елка.

— Елка молчит.

— Это она от ужаса, — не удержалась Ясна.

Аграфена не удостоила ее ответом. Поморщившись, оглядела ветки. Сняла с елки стеклянный шар с золотой крошкой внутри.

— Что это?

— Игрушка, — терпеливо пояснила Ясна.

— Ясно, что не картошка. Почему пустой?

— В смысле «пустой»?

Этот шар Ясна купила позавчера на ярмарке, и он ей очень нравился. При свечах он искрился, как снег на солнце.

Прабабка поднесла его к глазам, потрясла и вернула Ясне.

— Ни памяти, ни защиты, ни пожелания. Красивость одна.

— Я собиралась заговорить новые игрушки после ужина, — зачем-то начала оправдываться Ясна.

— После ужина приличные девушки косы разбирают, а не с шарами шепчутся.

— Я живу одна, поэтому могу шептаться с кем хочу и когда хочу.

Аграфена сурово посмотрела на нее.

— Пока одна.

Ясна решила, что эту тему лучше не трогать. Как гнилую половицу: наступишь — провалишься по колено и узнаешь много нового о подполе.

Аграфена тем временем сняла с веток еще два шара, деревянного снегиря, ленточку с бубенцом и маленький домик, который Ясна сама сделала из папье-маше и раскрасила. Получилось довольно мило. Но не для Аграфены.

Игрушки переместились на стол аккуратной кучкой.

— Верните на место мои игрушки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.